

● ИМЯ В ИСКУССТВЕ

Армен Джигарханян:

«Разуверился в людях - гаси свет!»

Поразительные все-таки люди - актеры. Казалось, о чем только не говорили мы с Арменом ДЖИГАРХАНЫНОМ! А стал вспоминать, слушать магнитофонную запись - все про одно и то же. "В будущем году у вас юбилей. Что бы хотели получить вы в подарок на 60-летие?" - спросил я. "Ничего, тут же затряс он головой. - Ничего! Только чтобы живой..." Так начался наш разговор. И дальше любая мысль приводила опять к тому же. "Жизнь постепенно покидает меня", - вспоминает Джигарханян слова Сенеки. И замолкает. И кажется, задумывается над тем, как ее задержать. "Хочется, чтобы как можно медленнее это происходило", - роняет он наконец.

Запутанные коридоры театра. Аскетизм по-казенному уютной гримерной. И посреди этого голубого бездушного пространства в стареньком растянутом свитере, в поношенном костюме - сутулый и кряжистый, судя по всему, очень упрямый человек.

- Долго мы не могли договориться об интервью. Вы очень заняты?

- Не очень. Я все-таки стараюсь оставлять себе немного воздуха. Вообще же у меня нет какого-то продуманного расписания. Как жизнь: как я проснулся, какая погода на улице. Никакого насилия, я думаю, тут быть не должно.

- А сколько часов вы спите?

- Часов по десять. Очень я это люблю. Перед спектаклем всегда стараюсь часок-другой поспать.

- Раньше вы очень любили спорт.

- Я и сейчас люблю. Правда, все больше смотреть. Футбол (много лет болею за "Спартак"), хоккей, баскетбол. Вообще все игровые виды спорта. Потому что человек в спорте находится на очень высокой точке физического и эмоционального накала. Даже в кино, в театре мы крайне редко достигаем такого предельного напряжения. У спортсменов, в особенности у больших, нет времени что-то показывать, рисоваться. Поэтому и их проявления - радости, огорчения - всегда очень интересны. Они натуральные.

- А не рыбачите?

- Нет. Рыбу в магазине покупаю. Для кота.

- Для Фила?

- Полное его имя - Философ. Вы не представляете, какая это умница и как все чувствует. Такие нюансы понимает - поразительно! И тоже - такой натуральный!

- Какая же у вас с ним философия?

- Трудно облечь в слова. Наверное, главное - это стремление людей идти друг к другу. Желание собеседовать, соприкасаться, послушать, понохать друг друга.

- И с новой ролью то же?

- Роль - это ведь не только съемки. Это еще и общение с партнерами. Например, я снимаюсь сейчас со Смоктуновским. Много лет мы знакомы, но почти никогда не работали вместе. Или какой-нибудь совсем молодой актер - они другие, иначе ведут себя на площадке. Мне это безумно интересно. Я думаю, если потеряю этот интерес, стану неживым. Тогда можно уже выключать свет, как говорится.

- Вы почти не отказываетесь от того, что вам предлагают.

- Практически нет. Я всегда думаю, что смогу что-то новое ощутить, узнать.

- Но размяться не страшно?

- Нет. Если я живой человек, достойный, если я знаю, зачем я пришел сюда, зачем курю эти сигареты, пью эту водичку, то даже в самой невероятной ситуации смогу свое достоинство не потерять. А потом это ведь как в жизни: бывает, попадаешь в компанию, где собрались чужие тебе люди, и ты можешь повернуться и уйти, а можешь остаться посмотреть, послушать, что-то им сказать. И даже если я сделал что-то и понял, что не нужно было, - это уже польза.

- А любимая роль у вас есть?

- Я все их люблю. Но есть, конечно, такие, которые что-то дали тебе. Много лет, например, я играю Сократа - такая роль не может пройти без следа.

- И что она вам дала?

- Для меня самое важное в Сократе то, что он жил так, как проповедовал. По-моему, это труднее всего.

- Вы чувствуете себя "звездой"?

- Не хочу ханжиться, говорить: "Нет. Что вы!" Конечно, приятно, когда люди тебя узнают, улыбаются, - все-таки положительные эмоции. Не говоря уже про колба-

су без очереди - я к подобным вещам отношусь с юмором. Но в момент работы я всегда стараюсь об этом забыть. Не люблю слово "мастер". Не люблю и боюсь, честно говоря. Я обычный скоморох, шут, актер. Живой. Я должен опять в этом месте - влюбиться, в этом - ненавидеть. И это самое сладкое в нашей профессии - не "мастерить", а снова продлевать весь этот путь с нуля, как дети, которые учатся ходить.

- И в рекламе находите чему учиться?

- А что? Интересно. От оплаты и до каких-то новых форм. Скажем, играл я в Голландии - нужно войти, глазом сверкнуть, и на все про все 10 секунд.

- Это что же вы рекламировали?

- А Бог его знает...

- Ну а гонорар?

- Могу сказать: снявшись в рекламном клипе, я получаю стократную свою зарплату в театре.

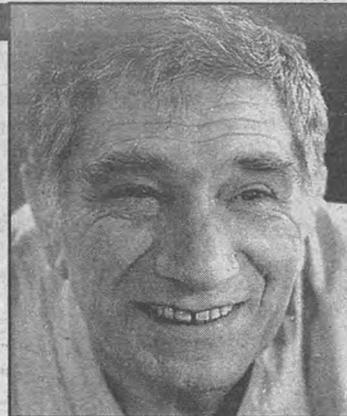
- Вы состоятельный человек?

- Я бы сказал: не бедный. Но не думаю, что состоятельный. Вообще я не думаю, что в нашей стране сейчас есть люди, которые богаты. Они могут летать на Канарские острова, но все равно они еще очень зыбко живут.

- А вы не зыбко?

- Тоже, к сожалению. Страх - основная эмоция, которую принесло мне последнее время. Я честно это говорю. Начиная от примитивного страха за свою жизнь, за близких, до, так сказать, потери точки опоры. Для меня это целый комплекс вещей, начиная с самого элементарного - быта и заканчивая делом, которым занимаешься и про которое вдруг понимаешь, что оно никому не нужно.

- За что же вы держитесь?

- За свою работу, за дом, за моего кота, хотя понимаю, насколько все это непрочно. У меня такое странное ощущение от нашего сегодняшнего общества - от бесконечных потуг всех этих фестивалей, смотров, оваций - ощущение, что у нас, говоря языком автомобилиста, не работает движок. А мы начищаем зеркала, радуемся, что нашли какое-то необыкновенное моторное масло фирмы "Шелл"!

- Вы верующий?

- Верю, но в церковь не хожу.

- Как большинство наших интеллигентов?

- Ну да. (Смеется). Хотя это не особенно сильная опора, если честно. Для меня вера - это по Сократу: сомневаться и проверять. А когда в церковь кинулись все... Это, по-моему, становится просто ширмой. Мне страшно, когда я вижу, как крестятся потенциальные убийцы...

- Не обидно столько лет проработать и остаться без веры?

- Обидно, конечно, но что делать. Я отношусь к этому, как к стихийному бедствию. Человечество создает культуру, науку, накапливает опыт, а потом происходит какое-нибудь жуткое землетрясение и выясняется, что опыт наш очень ограничен. Это путь цивилизации. И рэкет, и мафия - это тоже цивилизация. Все крупные страны через это прошли. За что я люблю Америку - в ней, мне кажется, собралось все лучшее и все худшее, что есть на сегодня у человечества. Да, у них есть и все пороки, но они не закрывают на них: глаза и поэтому могут с ними бороться. А у нас... Когда-то мне попала статья одного советолога с очень хорошим заголовком. Она называлась: "Страшнее террора - фальсификация жизни". Вот такой жизнью и жило наше общество и породило мутантов...

- Это уже социальный и культурный феномен.

- Есть культура бытовая и культура выскокая - культура духа. К сожалению, особенность России в том, что здесь всегда это были разные вещи. Но если они в конце концов не смыкаются, если в высокой культуре, элитарной, нет кусочка вот этой жизни и наоборот, образуется пропасть, в которую мы с вами сейчас и летим...

Беседовал Олег ГОРЯЧЕВ

Фото ИТАР-ТАСС

Армен Джигарханян